

ЛЮБОВЬ ВО ВРЕМЯ Карантина

Микита Франко · Ольга Птицева · Евгения Некрасова
Юлия Вереск · Ольга Брейнингер · Максим Сонин · Мария Лацинская
Арина Бойко · Сергей Лебедеко · Игорь Кириенков
Лиза Каменская · Анна Федорова · Полина Рыжова · Максим Жук
Алина Дерибас · Константин Кропоткин · Маша Гаврилова
Алексей Лобачев · София Денисова · Женя Красилова

ЛЮБОВЬ ВО ВРЕМЯ'- ; Карантина

Микита Франко · Ольга Птицева · Евгения Некрасова
Юлия Вереск · Ольга Брейнингер · Максим Сонин · Мария Лацинская
Арина Бойко · Сергей Лебедеко · Игорь Кириенков
Лиза Каменская · Анна Федорова · Полина Рыжова · Максим Жук
Алина Дерibas · Константин Кропоткин · Маша Гаврилова
Алексей Лобачев · София Денисова · Женя Красилова

POPCORN BOOKS

Москва

Table of Contents

Предисловие от издательства	
После маскарада. Евгения Некрасова	
40 Дней. Алексей Лобачев	
Десять проверенных способов поймать рыбу в мутной воде. Сергей Лебедеико	
Кукушка. Мария Лацинская	
Предложение. Игорь Кириенков	
Дрезденский фарфор. Ольга Птицева	
Кот на карантине. Монолог. Полина Рыжова	
Эраст. Максим Сонин	
Мои розы цветут для тебя. Анна Федорова	
Ленилонли. Константин Кропоткин	
Маленькая катастрофа. Юлия Вереск	
Проблема огурца в отдельно взятом хаусхолде. Лиза Каменская	
Эпикур. Маша Гаврилова	
Измайлово. Женя Красилова	
Из карантинного дневника. Максим Жук	
Полный синглооптимизм. Арина Бойко	
Расстояние. София Денисова	
Мама. Алина Дерибас	
Курьер. Микита Франко	

Дыши. Ольга Брейнингер

Предисловие от издательства

«Любовь во время карантина» — это сборник рассказов русскоязычных авторов, который мы задумали вместе с литературным журналом «Незнание» и курсами писательского мастерства «Глагол». Идея издания такой книги появилась у нас порознь, но почти одновременно. Мы все хотели собрать под одной обложкой разных авторов, предложив им написать по рассказу на заданную тему. Тема подобралась сама: последние полгода все мы провели либо на карантине, либо в его ожидании. Пандемия стала временем тревоги и беспокойства, и мы решили, что пора создавать что-то доброе и вдохновляющее, а потому главной темой сборника стал не просто карантин, но любовь на фоне карантина. Любовь не только романтическая, но и дружеская; любовь к себе, к близким, к домашним животным, к городу. Мы надеемся, что этот сборник подарит вам если не спокойствие, то надежду, что все будет хорошо.

Команда Popcorn Books

После маскарада

Евгения Некрасова

Ниндзя и Хиха встретились на маскараде. Он проходил в панельной многоэтажке на десятом этаже в комнате, на кухне и чуть-чуть в ванной. Толпа жидкостью заняла всё предоставленное пространство, и под приглушенную, будто из вентиляции, музыку люди в костюмах двигались. Все пили, чтобы не снимать масок, через трубочки. Хиха сразу понравилась Ниндзе, а Ниндзя — Хихе. Они затанцевали вместе и отделились ото всех в полосатый от обоев угол.

Хиха — вся тряпочная, со свисающими разноцветными ситцевыми полосочками, в лицевой хлопковой накладке в цветочек, с вырезанными в накладке и обшитыми дырами для глаз и ноздрей, с врезанными в ботинки металлическими крюками от вешалок — по пять на каждой. Хиху все спрашивали, кто это. Хиха отвечала: это Хиха. А чего не смеешься тогда? — спросил человек в костюме гопника. Единственный без маски. Я же гопник — они, скорее всего, не носят масок, он объяснял. Остальным Хихин

наряд нравился, один Мандалориан серьезно говорил с ней про то, что ее костюм является позитивным проявлением консервативного поворота. Ей стало душно, она ушла от него танцевать и увидела Ниндзю в закручивающемся безвесном и неизвестном танце. Вокруг Ниндзя вращался водоворот-невидимка и тянул к себе Хиху. Она в него спокойно зашла и затанцевала свободно, несмотря на крюки-когти, которыми она не задевала Ниндзю, но создавала у той какое-то развлекательное ощущение опасности.

Они протанцевали и проговорили минут двадцать пять и поехали к Хихе домой. Таксист молчал и устало не удивлялся ряженым. Долго крутились по развязкам, мимо панелек, вдалеке резанула Москва-река, потом Ниндзины глаза увидели деревья-деревья-деревья и выползающие из темноты желтые и красные малоэтажные дома. В квартире Хихи было старо, обшарпанно и уютно. Когда они разделись, у Хихи оказались широкие лицо, нос горбиной и мягкое, округлое тело с выпирающими складочками по бокам, а Ниндзя была ожидаемо худой, заточенной по костям, с маленькой головой и огромной цветочной татуировкой на шее. Ночью Хиха лежала головой на скромном Ниндзином животе и слушала, как он скребет португальским вином, которое подавали на маскараде. Наверное, он что-то хочет сказать на португальском, говорила Хиха. Жесткие, чуть подстриженные волосы Ниндзяного лобка шкрябали ей подбородок.

Наутро Ниндзя проснулась в луже света и, проморгавшись, увидела сад или даже лес и огромное окно, пускающее солнце с деревьями в квартиру. Когда глаза смирились с такой яркостью, окно и вовсе оказалось балконом. Кровать от остальной комнаты со столом обороняла книжная полка, две нижних ступени которой служили прикроватной тумбой. В углу стоял старый одежный шкаф. Стены были покрыты обоями с фиолетовыми листьями, они казались продолжением сада из окна. Ниндзя натянула Хихину совершенно белую футболку, трусы, черные свои штаны, обернула вокруг туловища плед, открыла заскрипевшую трухой дверь и вышла на улицу. Ниндзя стояла на балконе с балясинами, как папа римский перед морем прихожан. Вместо людей головами качали деревья и кусты. Октябрь обдувал Ниндзю. Она посмотрела направо и налево, ее балкон был единственный в недлинном, похожем на желтую гусеницу, двухэтажном доме. Ниндзя возвышалась на втором. За зеленью виднелись дома-близнецы. Женщина в темно-синей куртке шла вдалеке по тротуару и руки ей обрывали две авоськи. Ниндзя задрала голову вверх, там по-московски серело небо, ну да ладно. Прямо над ней торчал козырек крыши-скворечника и круглилось окно с лепниной-лучами по краям. Из щелей перекрывающей его вентиляции нитились провода и утягивались далеко за зелень.

Топая по потертому паркету, она отправилась искать Хиху. По пути заглянула в комнату больше спальни, занятую позднесоветской стенкой, двумя вешалками

с одеждой, швейной машинкой и коробками. На стенах висели цветы старых обоев. Кое-где в местах обрыва торчали печатные советские буквы. Ниндзя нашла Хиху на кухне. Та готовила яичницу на одной сковороде, на соседней тушила вешенки. Кухонная мебель оказалась сиреневая и оранжевая. Даже подоконник выкрашен в ярко-апельсиновый. Из-за высоких потолков шкафы и серванты тут были необыкновенно высоки и изъёты частыми, как норы, шкафчиками. Хиха, круглая и мягкая, уткнулась Ниндзе в жесткое плечо и поцеловала в цветочную шею. Ниндзя удивилась, потому что так делают через месяца три, может даже год совместной жизни, а не после one night stand. Хиха спросила, как Ниндзя любит глазунью, смотрящую или отвернувшуюся. Ниндзя ответила, что отвернувшуюся, и сама спросила, за городом ли они. Хиха рассказала, что до центра Москвы 25 минут на машине, просто это такой сохранившийся район малоэтажной сталинской архитектуры. Ниндзя удивилась.

Она приехала из моногорода с моностилем — панельными многоэтажками — и очень поэтому ценила исторический центр Москвы, снимала комнату в трешке на Чистых прудах с чистым и аккуратным ремонтом, который называли евро. Думала, что какая-то прежняя историческая малоэтажность только в центре, оказалось, что нет и что она совсем не знает города. Хиха, разливая кофе (она пила со сгущенкой, а Ниндзя просто черный), дорассказала, что здесь рядом огромные ассенизаторские бассейны, от которых ветер приносит запах, но не часто. За закрытыми окнами

вообще не слышно. Ниндзя не унюхала ни сейчас, ни когда выходила на балкон. Зато девелоперы и власть не лезут сюда ковшиками и не трогают. И здесь будто не Москва, а иногда даже не Россия, а такое безвременье. Зато Хиха гордилась, ей удалось очень дешево снимать усадьбу-двушку. Кухонные стены и мебель она перекрасила, а обои и лепнина в комнатах были так невероятны, что их оставила как есть. Разноцветную плитку в ванной и туалете она выкладывала сама, первым делом, как въехала. Такие яйца яркости, сказала Хиха. А витражное окно между туалетом и кухней тут с самого строительства дома. Хиха разогрела хлеб в духовке с потертым сыром, нарезала помидор и огурцов. Ниндзя завтракала обычно бананом и йогуртом с гранолой, а столько вот всего она не съедала и на ужин. Но сейчас всё поглощала хорошо и жадно. Они сидели, разговаривали, пили кофе, говорила почти всегда Хиха, Ниндзя слушала ее, и чуть думала про дедлайны, и что надо ехать домой, к работе. Но Хиха затягивала ее вместе со своей усадьбой посреди канализационных вод.

Ниндзя помыла посуду, Хиха вытерла, потом они валялись на солнце в кровати, долго не хотелось вставать. Дальше наконец оделись, сходили выбросили мусор и отправились гулять по району. На главной своей улице — он почти американская субурбия — у двухполосной дороги боками были зеленые газоны с дорожками и с двухэтажными особняками. Хиха ходила смешно, немного пингвиненком, переваливаясь, в огромном, выше ее, ярко-оранжевом пальто.

Рассказала, что купила в секунде в Будапеште. Ниндзя была одета как ниндзя. В свой черный костюм и черную куртку. Хиха показала старую почту с сохранившейся надписью, дом культуры с колоннами-готами, Ленина. Ниндзя была равнодушна к советскому, не ощущала его как часть ценной старины, но уже радовалась всему, что не панельки.

Хиха вывела Ниндзю на воду. Солнце катало лучи по мутной поверхности. На водосбросном канале рыбачили люди. Было неправдоподобно красиво и зелено. Ниндзя нервничала, происходила какая-то сказка. Москва-Немосква, Америка-Неамерика, Россия-Нероссия. Погуляли, Ниндзя вспомнила, что надо ехать. Всё у нее с собой, сейчас прямо можно вызвать машину. Ниндзя попыталась вообразить уют экрана своего макбука, свои ладони, удобно расположившиеся на клавиатуре. Но уютность Хихино тела явно одолевала макбуковую. Хиха сказала, что они прогулялись бы еще больше и дальше, но она уже подустала. Предложила купить продуктов, придумала испечь рулет из индейки. Натянув маски, Ниндзя черную, Хиха оранжево-зеленую, они зашли в «Пятерочку», поселившуюся в одной из старых каменных построек. На потолке там тоже выпирала лепнина и даже краснела роспись с пионерами. Ниндзя никогда не была в таких «Пятерочках».

Она обычно много молчала и говорила тихо, как ниндзя. Сейчас, нарезая овощи, рассказывая Хихе про свое панельное детство, переезд, учебу, работы, учебу за границей, путешествия, новую карьеру, глядя, как

Хиха мешает фарш индейки с мукой, яйцом и молоком, раскатывает его на доске, рассказывает про свое пятиэтажное детство, переезд, работы, учебы, путешествия, работу, снова учебу, искусство, снова работу, Ниндзя почувяла, что никуда не поедет сегодня, возможно даже и завтра. А дедлайн не так смертелен, не поспит она пару ночей. Хихе на работу не нужно, ее фирма не пережила еще первую волну, и Хиха перебивалась чем-то временным, чего сейчас не было.

После еды Хиха устала еще больше. Сказала, что у нее как-то разнылось тело и тошнит, хоть еда и не была жирная. Я, что ли, коронована теперь вирусом, спросила Хиха не Ниндзю даже, а окно. Да ладно, ты все время в маске, сказала Ниндзя, хотя знала, что и она, и Хиха — в этом жизнеспасительном маскараде, а вот многие в транспорте — нет, и в магазинах — нет. Ниндзя мысленно предположила, что вряд ли. Ей обычно везло с работой, со съемными квартирами и соседями, со скидками на гаджеты и простую дорогую черную одежду. Не могло быть, что в первый день ее такой серьезной, первой же за много лет влюбленности человек, который сделался ей необходим, вдруг заболел смертельным и глобальным вирусом.

Полуамерика к финалу дня стала похожа на российскую провинцию. Где-то истерили собаки, подвывала электричка. Вечером у Хихи заблестели глаза, тело ее сделалось очень горячим. Померили температуру. Ниндзя снова удивилась — теперь ртутному градуснику, она давно таких не видела, купила себе современный, электронно-безопасный. Тридцать

восемь и два. Хиха сказала Ниндзе срочно уезжать, быть может, она еще не успела заразиться или хватанула не так много этой вот короны. Ниндзя задумалась. Можно сесть на электричку, станцию слышно отсюда. Там проехать несколько остановок до Курского и дойти пешком до квартиры на Чистых. Там Ниндзина комната, светлых тонов, без всякого старья, цветастостей, украшений, просто и практично. Соседи: тихая интровертка-дизайнерка, вторая — менеджерка чего-то, вечно командированная, никогда не бывает дома. Тишина и спокойствие. Тонкий и металлический, как лезвие, родной ноутбук и в нем работа с дедлайном от иностранной, очень хорошей компании, находящейся не здесь, а там, куда Ниндзя давно стремилась переехать, и если бы не эти волны, первая-вторая, давно бы жила на берегу океана в городе, где все дома красивые. Но на Чистых не было Хихи, так что нет смысла туда ехать, поняла Ниндзя. Она, быстрая и резкая, незаметная в темноте, как дворовая кошка, сбегала в «Пятерочку» и купила три лимона, стараясь ни к кому не подходить и никого не касаться, хоть в маске и перчатках. Имбиря не продавали. Еще взяла две пачки сигарет. Ниндзя серьезно зожила, даже бегала пару раз в неделю по бульвару, но время от времени курила, когда происходило что-то важное.

Она развела Хихе горячей воды с лимоном и сахаром. Хиха не знала, как вызвать врача, она никогда не ходила в местную поликлинику. Ниндзя спросила, где Хихин полис. Та криво и слабо пожала плечами. Она лежала на кровати с закрытыми глазами и сложно дышала.

Ниндзя отправилась искать. На шкафу никаких бумаг не нашлось. На столе среди книг, листочков, тряпочек и старой Тошибы тоже. Ниндзя точно и аккуратно двигалась по соседней заставленной и заваленной комнате. В стенке прятались одежда, ткани и пошивочные принадлежности. Ниндзя покопалась на столике со швейной машинкой среди ниток, выкроек и снова тряпочек. Файлик с полисом, паспортом, трудовой, ИНН, пенсионным и другими бумажками нашелся в одном из нор-шкафчиков на высоком уровне, до которого Ниндзя достала, встав ногами на разделочный стол. Она продиктовала по телефону женщине из регистратуры Хихины официальные данные, отметив про себя, что та на два года ее постарше, и описала симптомы. Доктора обещали завтра в течение дня. Когда Ниндзя вернулась в комнату, Хиха спала, сопя, как крупный зверь. Ниндзя разделась до футболки, выключила торшер с бахромой, залезла под общее с Хихой одеяло и обняла ее.

Врач не пришел на следующий день. На завтрак пили кофе и ели яичницу. Ниндзя подала в постель на огромной, иссеченной деревянной доске. Хиха вытащила два полусопливых желтка, она такие любила. Ниндзя спокойно доела белки, похожие на пустые чайные блюдца. Хиха говорила, что чует кофе, значит, может быть не то. Она возлежала в огромной ночнушке с розами и кашляла. Пижам и ночнушек у нее набралось много. Она сказала, что часть из них досталась от огромной бабушки, которая тут жила. Ее внук так и сдал квартиру с тряпками в шкафах, махал на

них рукой, предлагал выкинуть содержимое. Хиха постирала, перешила, какие-то вещи оставила как есть.

Хиха пила и потела, Ниндзя вытирала ее полотенцем, вытаскивала соленую воду из белых боковых складок, целовала их, Хиха слабо хихикала. Ниндзя старалась не целовать Хиху в губы, но понимала, что скорее всего и так заразится, если это настоящий ковид. Она просто не могла не целовать Хиху. После вытирания Ниндзя надевала на Хиху новую футболку или платье для спанья. Намешивала Хихе лимонный напиток или смородиновый. Варенье заканчивалось. Хиха спала. Ниндзя пыталась дозвониться в регистратуру. В перерывах делала заказ продуктов на дом.

В одно из просыпаний Хиха рассказала, что ей приснилось, что на груди у нее сидит Мара, с ушками и хвостиком, щекочет внутри груди и вытягивает силы. Ниндзя помогала Хихе дойти до туалета и поднимала ей рубашку, когда та садилась на унитаз. Дальше они возвращались обратно и Ниндзя укладывала Хиху в постель. Обедали остатками рулета. Ниндзя поставила поликлинику на автодозвон. Загрузила в стиралку пропотанные Хихины пижамы и свою одежду, даже белье. Пока оделась в Хихины спортивные, футболку и рубашку. Все было удобно велико. В регистратуре сказали — ждите, может, завтра, очень много вызовов. Хиха кашляла. Ниндзя читала о симптомах, пыталась понять, нужен ли парацетамол. Накинула куртку, вышла на балкон, закурила. Ветер привычно ей откинул челку с глаз и принес запах канализации. Ниндзя приветственно кивнула. Познакомилась с районом.

Вернулась, легла рядом с Хихой. Та слышно дышала. Ниндзя написала своим работодателям из иностранной компании, что сдаст работу на день позже. Начальник разрешил сменить дедлайн. В дверь позвонили, принесли заказ из аптеки: маски, перчатки, пластыри, еще парацетамол (на всякий случай), минеральная вода, влажные интимные салфетки, витамин Д в янтарных капсулах и С в виде шипучих таблеток. Ниндзя попросила оставить у двери. Разбудила Хиху, потрогала ее на потность, помогла ей сходить в туалет и протереться влажными салфетками, наклеила на грудь перцовый пластырь. Мара, сидящая у Хихи на груди, зазлилась и затопталась, пластырь жег ей лапы, особенно когда она мощно цеплялась когтями. Слезла с Хихи и ушла под кровать, решив переждать.

После девяти вечера пришел усталый человек в светской одежде и покосившейся маске. Хиха натянула на себя свою, сшитую из ткани с папоротниковым рисунком. Ниндзя — свою черную-запасную, просто нинзевскую. Врач послушал Хиху холодной металлической присоской, Хиха подняла королевскую спальную рубашу и показала свой мягкий складчатый живот и белую грудь с овальными розовыми пятнами. Ниндзя увидела покрасневшую докторскую лысину и молча взревновала. Человек нацепил Хихе на палец пластиковую кусачку, она выдала на электронном табло 98 %. Доктор сказал, что скорее всего Хиха действительно коронованная, но пока ничего страшного, назначил мазок, много воды, прописал лекарства и подарил пачку триазавирина. Услышал, как

Хиха кашляет, и допрописал антибиотик. На ужин Хиха захотела и съела бутерброд с сыром и сказала, что больше не хочет. Ниндзя скормила той антивирусное, и Хиха заснула. Пластырь остыл, и Мара снова вернулась к ней на грудь. Ниндзя хотела поискать остальные прописанные, но улеглась с телефоном рядом с кашляющей во сне Хихой и заснула.

Утром привезли продукты, оставили у двери. От них у Хихи с Ниндзей поднялось настроение. И Хихина температура Ниндзе больше понравилась — 37,5. Померили сатурацию Ниндзиными беговыми часами, она была 97 %. Но кашель прыгал из Хихиной груди, а главное, та сказала, что кофе со сгущенкой странный. И желток странный. И паштет. Не безвкусные, а бессмысленные. Кофе просто кислый со сладковатостью, паштет просто соленый, а желток... ну какой-то. Мара терпеливо сидела рядом на подушке и ждала, когда Хиха поест. Ниндзя поднесла Хихе к носу шампунь с запахом кокоса. По-Хихиному он пах ничем. Хиха попросила Ниндзю чуть раздеться, понюхала ее подмышки и междуножье. Уткнулась туда носом и весело взывала от того, что ничем не пахло.

Хиха попросила принести ей папку, которая лежала в соседней комнате на стенке. Ниндзя как паучок взобралась на стенкин первый уровень, ногой встала на следующий, рукой уцепилась еще за другой и сняла нужное. Там лежали разноцветные куски бархатной бумаги. Пока Хиха вырезала себе желтую корону и обклеивала ее прозрачными пластмассовыми хрусталиками, Ниндзя охотилась на антикоронные

лекарства. История была нервная. Ниндзя отправилась курить. Сигарета была вкусной. Лекарства в городе превратились в дефицит. Везение, что доктор поделился противовирусным. Дипиридамом и азитромицин находились всего в нескольких аптеках во всей огромной Москве. А дипиридамом еще можно доставить в аптеку у ближайшего, в сорока минутах ходьбы, метро. Но только послезавтра. Ниндзя зажгла третью. А Хихе нужно начинать принимать лекарства сегодня. Но не это было страшно, а то, что и дипиридамом, и азитромицин выдавались, как Ниндзя узнала, по рецепту. Почему человек-врач их не выписал, Ниндзя не знала, подозревала, что забыл от усталости. Услышала, как Хиха кашляет. Вернулась в комнату. Хиха возлежала на нескольких подушках в короне. Ниндзя улеглась рядом и уткнулась ей в плечо. Ей очень хотелось тоже просто лежать рядом и спать. Но нужно было возвращаться к поискам. В дверь позвонили, Ниндзя открыла дверь в маске, пришли две девушки как космические невесты в белых костюмах, позвали Хиху. Она вышла к ним в своей королевской ночнушке с розами и короной на голове. Космические невесты не обратили внимания или не посмотрели. Пока одна брала из Хихиных носа и рта мазки, у второй, которая сверяла списки пациентов, телефон зазвонил «Играми престолов».

Ниндзе надоело все делать с телефона, она еще утром потерзала Хихин стародавний ноут и оставила его в покое. Теперь она лежала рядом с Хихой и сжимала смартфон, пытаясь выдавить из него онлайн-аптеку, где

можно было купить лекарства без рецептов. Она устроила в твиттере опрос. Накидали штук десять названий. Фармосайты, где удавалось покупать безрецептурно, оказались заблокированы. В аптеках по рецептам, окейных для Роспотребнадзора, нужное и их аналоги закончились. Хиха в полудреме кашляла рядом, Мара сидела у нее на груди. Ниндзя затосковала. Хиха как почувствовала и проснулась, спросила, отчего Ниндзя такая грустная. Ниндзя рассказала про онлайн-аптеки, дипиридамом, азитромицин и рецепты. Хиха сказала Ниндзе не печалиться, она ведь художник. И попросила принести ей файл с документами из норы. Ниндзе далеко лезть не пришлось, еще раньше она сложила его на три норы ниже, на досягаемой полке. Хиха покопалась в бумажках и нашла антидепрессантовый рецепт, годный еще четыре дня. Они с Ниндзей поискали в интернете, как пишутся действующие вещества этих лекарств на латыни.

Пока Хиха рисовала на рецепте, Ниндзя на кухне обзванивала офлайн-аптеки, где, согласно интернет-каталогу, можно было купить дипиридамом и азитромицин одновременно. В реальности такого не существовало. Точнее, эти медицинские препараты существовали когда-то давно, как драконы или кентавры. Память провизоров о них была жива, но превратилась уже в миф, в сказку. Ниндзя набирала четыреста-девятьсот-пять-или-девять номер один за другим. Разобрали, закончилось. Разобрали, закончилось. Наконец в одной аптеке на юго-западе ответили, что еще есть азитромицин, но он очень

популярный и забронировать его нельзя. В другой, что дипиридамол есть, но уже забронирован. Ниндзя злилась, писала в твиттер, что не понимает, что происходит. Ей тут же объяснили, что это из-за новой маркировки: препараты есть, но они не могут ее преодолеть и пылятся на складе. Ниндзя разозлилась еще больше и отправилась курить.

Хиха закончила уже свое рисование и спала, тяжело дыша, в покосившейся набок короне. Ниндзя сняла ее, положила рядом на полку. Поправила одеяло Хихи почти до подбородка, тем самым согнав Мару с груди. Куря на балконе, Ниндзя снова принялась обзванивать аптеки. План — найти лекарства пусть и в разных местах, но примерно в одном районе, забронировать, попросить кого-то забрать на такси, но сначала подобрать у Ниндзи рецепт.

Солнце отсутствовало. Небо висело обычно-московское. В аптеке на девятьсот-пятого-года нашелся антибиотик. Девушка-провизор согласилась подержать его два часа. Курантил, как обещал сайт, ждал Ниндзю на Полежаевской, не так далеко, и это было отлично, но тамошний провизор сказала, что они не откладывают, а покупатели приходят и часто берут. Ниндзя злилась и не любила ни эту двушку-усадьбу, ни этот балкон с балясинами, ни эти санаторские деревья с кустами, любила только Хиху. Написал босс, спросил, как у Ниндзи с проектом. Она как машина, нажимающая на кнопки, позвонила в аптеку на Смоленке, где был, согласно сайту, антикоагулянт. Для аптек в центре чаще всего фарм-каталог устаревал особенно часто,

поэтому Ниндзя пропускала ЦАО. Но курантил нашелся там. Обещали отложить на два с половиной часа. Ниндзя звонила друзьям. Некоторые работали до вечера, некоторые были за городом, некоторые болели сами. Никто не мог. Советовали курьеров. Ниндзя написала в популярное приложение. Курьера за рецептом обещали прислать через полтора часа. Выхода не оставалось.

Ниндзя оделась в свой маскарадно-обычный костюм, намешала Хихе две чашки горячего питья с малиновым и со смородиновым вареньем. Наделала ей бутербродов с сыром. Разложила витаминки, антивирусный шарик и стакан с водой. Все это уместила на деревянной доске. Убрала книги, взгромоздила ее рядом с короной. Написала записку, где просила пить напитки, хоть и остыли, поесть бутерброды, выпить таблетки. Ниндзя надела куртку, три подряд медицинские маски, перчатки, взяла четыре маски с собой. Обмоталась вязаным Хихиным шарфом. Надела шапку. Сложила рецепт в рюкзак.

Водитель, когда еще Ниндзя села в машину, держал маску на подбородке, она попросила надеть нормально. Он послушался. И спросил, правда ли этот район — вонючка? Ниндзя ответила, что едет подруге за лекарствами, у той ковид, у самой Ниндзя скорее всего тоже и он может ее высадить, если хочет. Водитель поправил маску, чтобы она сидела ровно, но ничего не ответил. Сначала ехали бойко, полуамерика, полупровинция быстро закончилась, будто Ниндзя то ли эмигрировала обратно в Россию, то ли просто ехала из

прошлого в настоящее, малоэтажки превратились в хрущевки, а потом в многоэтажные панельки, зелень поредела, а когда начались развязки и заводы, деревья исчезли вовсе. На подъезде к Третьему транспортному встали в тягучую, упрямую пробку. Хиха написала, что проснулась, и благодарила за бутерброды. Отчиталась, что все съела и выпила. И снова надела корону и лежит в ней. Интересовалась, как Ниндзя едет. Та призналась, что пока не едет вовсе. Хиха кашляла. Ниндзя закрыла глаза и четко увидела, как Хиха лежит в короне и ночнушке с розами, а на груди у Хихи сидит Мара, с хвостом и ушами. Они простояли еще полчаса. Водитель поинтересовался, что нельзя, что ли, по интернету, она ответила, что нет.

В Хорошевский проезд Ниндзя попала через 10 минут после дедлайна. Она ворвалась в аптеку и, вся в черном, напугала трех женщин и двух мужчин, образующих очередь. Они сжались друг другу и к кассе, забыв про санитарную норму. Ниндзя встала за последней покупательницей на расстоянии полтора метра. Постепенно к Ниндзе привыкли, очередь расслабилась, расплзлась. Ниндзя нервно мяла телефон, ревниво прислушивалась, боялась, что кто-то сейчас произнесет «дипиридамомл». Но брали всё другое, какие-то незнакомые Ниндзе лекарства. Женщины набирали по многу всего, в комплексе, для всей семьи. Одна выбирала ко всему плюсом спрей для носа пять минут. Ниндзя засекала. С мужчинами было проще. Один взял один препарат. Ниндзя видела, что через 20 минут истечет ее дедлайн по курантилу на Смоленке.